

Дневники сестер Саводник

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии В.С. Савчука

Аннотация. Публикуемые дневники вели девочки-подростки, а позже – юные девушки Оля и Наташа Саводник, дочери московского профессора-филолога Владимира Федоровича Саводника. Он был однокурсником и приятелем Валерия Брюсова, сам писал стихи, но известность приобрел своими многочисленными учебными пособиями и хрестоматиями по русской литературе. Сохранившиеся части дневников относятся к июлю 1914 г. – декабрю 1920 г. (дневник Оли) и ноябрю 1915 г. – октябрю 1917 г. (дневник Наташи). Часть страниц дневников была вырезана в более позднее время, вероятно, их авторами. Дневники дают представление о воспитании детей в семье московских интеллигентов, о повседневном быте русской интеллигенции начала XX в., о восприятии событий Первой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны. Дневники позволяют проследить процесс взросления сестер Саводник и, следовательно, дают материал для понимания детской и юношеской психологии.

Ключевые слова: Ольга и Наталья Саводник, быт русской интеллигенции, воспитание подростков, Чернявская гимназия, Первая мировая война, революция 1917 г.

Савчук Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, v.s.savchuk@mail.ru.

Diaries of the Savodnik Sisters

Introduction, editing and comments by V.S. Savchuk

Abstract. The diaries published here belong to teenagers and later young women Olya and Natasha Savodnik, daughters of Vladimir Fedorovich Savodnik, a philology professor from Moscow. He was a college friend of Valery Bryusov and also wrote poetry; however, he became famous thanks to his numerous textbooks and anthologies in the Russian literature. The surviving parts of the diaries were written in July 1914 – December 1920 (Olya's diary) and November 1915 – October 1917 (Natasha's diary). Some pages were cut out later, probably by the authors. The diaries give an idea about raising children in a family of Moscow intelligentsia in the beginning of the XX cent., about such families' everyday life, their perception of the First World War, the 1917 Revolution, the Civil War. The reader can follow the coming-of-age process of the Savodnik sisters and thus acquire a better understanding of developmental psychology.

Keywords: Olga and Natalia Savodnik, the everyday life of the Russian intelligentsia, raising teenagers, Chernyavskaya gymnasium, First World War, 1917 Revolution.

Savchuk Viacheslav S., Candidate of Science (History), Associate Professor,
Institute of History and International relations, Southern Federal University, 105/42,
Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, v.s.savchuk@mail.ru.

В 80-е – начале 90-х гг., приезжая из Ростова-на-Дону в столицу, я иногда останавливался у своей троюродной сестры Наталии Сергеевны Владыченской, с чьей семьей меня связывают давние теплые отношения. Именно в ее квартире, расположенной в главном корпусе Московского университета, мне довелось познакомиться с тогда уже очень пожилой, но, как стало ясно за обычным в подобных случаях «семейным» чаем, по-прежнему многим интересовавшейся интеллигентной дамой – Натальей Владимировной Саводник. Фамилию «Саводник» я хорошо знал с детских лет: ведь О.В. и Н.В. Саводник были (по материнской линии) двоюродными сестрами Ирины Александровны Паламарчук (матери Н.С. Владыченской), а И.А. Паламарчук в свою очередь была двоюродной сестрой (по отцовской линии) моей мамы Галины Андреевны Паламарчук (Савчук). В юности я успел еще познакомиться с родными тетями сестер Саводник (их мать – Надежда Николаевна Саводник, урожденная – Шишова) – Марией Николаевной и Матреной Николаевной («тетя Мотя» по дневникам), а вот встреча с Н.В. Саводник состоялась только в конце 80-х годов, когда она, как уже говорилось, была в преклонном возрасте.

Прошло, вероятно, около десяти лет, и, будучи снова в Москве, я узнал о недавней кончине Натальи Владимировны Саводник и о том, что она завещала Н.С. Владыченской некоторые семейные реликвии, в том числе дневники детских и юношеских лет (ранее скончавшейся сестры Ольги и свой собственный). Прочитав некоторые страницы дневников, я сразу почувствовал, *сколь удивительно непосредственно* отражают они многие черты быта пред- и послереволюционной эпохи, но как-то не подумал о возможной их публикации. В последующие годы, знакомясь со все новыми работами, посвященными истории повседневности, а также с гендерными исследованиями, я все больше осознавал значение тех текстов, которые *их авторами не предназначались для публикации*. И вот, в январе 2006 г., вновь будучи в Москве, в гостеприимной семье Владыченских, я предложил попытаться опубликовать дневники сестер Саводник. Любопытно заметить, что мое предложение было встречено весьма настороженно и Наталией Сергеевной, и ее дочерью Ириной Петровной (обе они занимаются исследовательской работой в области биологии). Эта настороженность объясняется, очевидно, тем, что для них, как и для многих вообще людей, любая семейная реликвия – нечто *интимное*, то, что *не должно становиться предметом рассмотрения и, тем более, анализа постороннего человека*. Все же мне удалось получить согласие на публикацию, а также дополнительную информацию об авторах дневников и в целом – о семье Саводников, за что я искренне признателен Н.С. и И.П. Владыченским.

Отец Ольги и Натальи Саводник, Владимир Федорович Саводник, в свое время был известным профессором-филологом, хотя, вероятно, и не принадлежал к числу «властителей дум» студенческой молодежи. Уже через 30 с лишним лет после его кончины «Краткая литературная энциклопедия» поместила о нем статью следующего содержания: «Саводник, Владимир Федорович [28.IV (10.V). 1874, Ливны Орловской губ., – 13.IV.1940, Москва] – рус. сов. историк лит-ры. Род. в семье врача. Окончил филологич. ф-т Моск. ун-та (1899). Был учителем словесности. В 90-х гг. начал печатать стихи в символистском духе и рецензии. С. принадлежат критич.

статьи о рус. поэзии (о Е.А. Баратынском, Ф.И. Тютчеве, Ап. Григорьеве, Вл.С. Соловьеве). Его "Очерки по истории русской литературы XIX в." (1906) и "Краткий курс русской словесности с древнейших времен до конца XVIII в." (1913) служили осн. пособием для изучения рус. лит-ры в средней школе до конца 20-х гг. Лит. процесс С. освещал в традициях историко-культурной школы. После Октябрьской революции участвовал в издании Полного (юбилейного) собр. соч. Л.Н. Толстого; подготовил ценный комментарий к "Дневнику А.С. Пушкина. 1833–1835" (1923, при участии М.Н. Сперанского) и издание "Анны Карениной" с обширными комментариями (1928) [Краткая литературная энциклопедия, 1971, с. 591]¹.

В.Ф. Саводник учился с В.Я. Брюсовым на одном курсе исторического отделения Московского университета и в конце 1890-х–начале 1900-х гг. был близок к группе московских символистов². В 1898 г. он выпустил в Москве первую книгу стихотворений, в рецензии на которую А.В. Амфитеатров отмечал: «Как лирик, г. Саводник, миная течения декадентства и символизма, прямо и решительно примкнул к той старой, но симпатичной школе, которая главнейшим представителем теперь, за смертью Майкова, Фета и Полонского, является высокоталантливый К.Р. Это – школа истинных вдохновений и добрых, от Пушкина унаследованных традиций»³. В дневниках и письмах Брюсова часты упоминания имени В.Ф. Саводника [Брюсов, 2002, с. 48, 50, 67, 75, 76, 83, 85, 87 и др.], ставшего постоянным сотрудником ведущего московского журнала русских символистов «Весы» [Азадовский, Максимов, 1976, с. 296]. В 1983 г. Н.В. Саводник передала в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) семь писем Брюсова Саводнику и рукописные воспоминания своего отца о Валерии Брюсове [Поэт и ученый, 1988, с. 99–115]. Младшая сестра Брюсова – Надежда Яковлевна (1881–1951) – была впоследствии музыковедом, автором многих книг о музыке и музыкальном образовании [Энциклопедический музыкальный словарь, 1966, с. 67], с 1921 г. – профессором Московской консерватории. В дневниках сестер Саводник о ней есть немало упоминаний.

Как сообщила мне Н.С. Владыченская, по окончании гимназии обе сестры Саводник учились в народной консерватории Н.Я. Брюсовой; Наталья Владимировна – у известного музыковеда и педагога Б. Ярошевского. Она окончила консерваторию, но профессиональным музыкантом не стала, хотя всю жизнь была близка к музыке и являлась активным участником музыкального кружка учеников Ярошевского. Ольга Владимировна, родившаяся в 1901 г., консерваторию не окончила. Она училась танцевать в студии Ирмы Дункан (приемной дочери Айседоры Дункан), но профессиональной артисткой тоже не стала. В 30-е гг. она вышла замуж за А.И. Яковлева – человека без художественного образования, но с большими способностями. Они вместе работали в различных художественных мастерских, в последние годы жизни преподавали рукоделие и художественное ремесло в пионерских лагерях. Ольга Владимировна скончалась в 1986 г. в бывшем профессорском доме у Никитских ворот, где она прожила всю жизнь.

Наталья Владимировна своей семьи не имела, была очень близка с сестрой и жила до расселения центра в той же квартире. О ее деятельности, о преемственности

поколений русской интеллигенции сообщают опубликованные в сборнике «Встречи с прошлым»⁴ фрагменты хроники ЦГАЛИ, очевидно, в связи с 80-летним юбилеем Натальи Владимировны. Цитирую довольно большой отрывок: «Все гимназисты и реалисты дореволюционной России учились “по Саводнику”, иначе говоря, получали знания о русской литературе по учебникам, составленным известным педагогом Владимиром Федоровичем Саводником. Это действительно был прекрасный учебник, сыгравший весьма положительную роль в формировании культурного уровня русской интеллигенции того времени. Но Саводники оказались прикосновенными и к архивному миру: дочь В.Ф. Саводника Наталья Владимировна стала архивисткой. Правда, произошло это не сразу. Сначала музыкальная школа, работа преподавателем музыки и пения, потом – лаборант Института психологии и даже (в 1943 г.) – рабочая, строитель Московского метро. Потом – педагогический институт. И наконец, 1949 г., ЦГАЛИ. “Молодой архивный работник”, как писалось тогда в служебной характеристике, дала очень высокие “производственные показатели” и быстро заняла соответствующее место в цгалийских рядах; она была председателем месткома, председателем кассы взаимопомощи, ученым-методистом, одним из создателей нашего “Путеводителя”. Но самое главное было – разборка, изучение, научное описание фондов. И каких?! Через ее руки прошли ценнейшие “музыкальные” архивы С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича, Б.В. Асафьева, Ю.А. Шапорина, И.О. Дунаевского, В.Я. Шебалина. Здесь у нее, архивиста-музыковеда, не было соперников. Нет и сейчас. Цгалийцы отметили юбилей Н.В. Саводник тихо и скромно, может быть, потому, что это как раз соответствовало ее человеческой индивидуальности, ее удивительной скромности, полному отсутствию ученого и прочего гонора, то есть как раз тем чертам, которые всегда были характерны для лучшей части старой русской “ученой” интеллигенции, традиции которой живы еще в архивной среде и заслуживают самого глубокого уважения» [Дни нашей жизни, 1987, с. 458–459]. Последние годы жизни Наталья Владимировна, родившаяся в 1903 (1904) г., провела с племянниками, получившими квартиры в новых районах Москвы. Она скончалась в очень преклонном возрасте (в 1996 г.).

Согласно информации, полученной от Н.С. Владыченской, старший брат О.В. и Н.В. – Александр Владимирович Саводник («Шурка») – был крупным радиоинженером. Он участвовал в создании радиостанции «Север», которая была нашей основной радиостанцией в годы Великой Отечественной войны. За эту работу он был удостоен Сталинской премии.

Часто упоминаемое в дневниках имя Лукино, где прошло детство сестер Саводник, было куплено их дедом, промышленником Н.И. Шишовым⁵, у своего дальнего родственника С.С. Ланского и продано незадолго до революции. Оно находится недалеко от станции Бахчиваджи Ярославской ж.д. в составе пос. Свердловский. Дом и парк целы, хотя часть дома разрушена. В этом доме была позже расположена детская колония, а сейчас помещается электроламповая фабрика. Сведения о семействе Шишовых и имени Лукино имеются в краеведческом музее г. Лосино-Петровский⁶.

Как мне представляется, дневники сестер Саводник могут быть интересны любому читателю, стремящемуся больше узнать о *повседневной жизни* русского общества, причем в ту полную драматизма эпоху, когда происходила ломка не только бытовых, но и нравственных устоев. Русская классическая литература оставила нам немало замечательных повествований о «детских годах» их главных персонажей (вспомним С.Т. Аксакова, Л.Н. и А.Н. Толстых, Н.Г. Гарина-Михайловского и др.), но, как правило, это были рассказы о «детстве, отрочестве, юности» представителей дворянских, нередко – аристократических, семейств. С другой стороны, всем памятна автобиографическая трилогия Максима Горького, в которой сами названия повестей («В людях», «Мои университеты») надолго стали своеобразным символом тяжелой доли подростка из рабочей среды. Читая дневники сестер Саводник, мы погружаемся в повседневную жизнь «интеллигентских» подростков: домашние учителя-гувернантки, гимназия, чтение книг (как на русском, так и на французском языке), игры, посещения театров, домашние спектакли и т.д.

Дневники удивительно непосредственно позволяют проследить *процесс взросления* сестер Саводник и, следовательно, дают любопытный материал для понимания детской и юношеской психологии. Вот насмешливая запись в дневнике Оли (от 24 июля 1914 г.), как их приятель оставляет для ее сестры записку, я бы сказал, наивно-трагического содержания: «Если Наташа на мне не будет жениться, я застрелюсь». Но проходит два с лишним года и та же Оля делает в своем дневнике трогательную запись (от 27 октября 1916 г.) о посещении театра с «мадмуазель», подругой Таней и приятелем Юрой: «С разными замечаниями он нагibalся ко мне и ужасно близко, так что я один раз, чтобы ответить на его вопрос, повернула голову, и щеки наши чуть ли не соприкоснулись». И после спектакля Оле Саводник не хочется идти домой: «Мне было очень хорошо, то есть не физически, потому что меня мутило и голова кружилась, и так легко; говорить мы не говорили, потому что мне страшно хотелось молчать и думать, да об чем, уж не знаю, об чем я думала». Читая дневники сестер Саводник, я вспомнил другой, гораздо более знаменитый, дневник – Анны Франк [Франк, 2010]. Несмотря на все отличия, есть в этих непосредственных документах эпохи и нечто общее: даже в период мировых войн любой человек, тем более – подросток, думает не только о драматически (или трагически) складывающейся ситуации, но и «открыт» для самых светлых переживаний, в частности – юношеской влюбленности.

Наконец (и это, не исключая, может оказаться наиболее интересным для читателей дневников), они позволяют судить о восприятии людьми определенного социокультурного слоя событий военного и революционного времени. Событий, отстоящих от наших дней уже на целое столетие. При этом важно иметь в виду, что само это восприятие предстает в дневниках то *непосредственным*, то *опосредованным*: сестры Саводник нередко «воспроизводят» услышанные разговоры взрослых и их оценки происходящего. Быть может, в определенном смысле подросток всегда остается «человеком второго плана», так или иначе ориентирующимся – по принципу «притяжения» или пусть даже «отталкивания» – на ценности людей ближайшего круга, родных и друзей.

Публикация дневников О.В. и Н.В. Саводник затянулась почти на десять лет. Мне хотелось представить потенциальным читателям сохранившиеся части дневников полностью, но это оказалось трудно реализуемым проектом. Только сейчас появилась возможность публикации (с небольшими сокращениями) этих, на мой взгляд, удивительно интересных памятников культуры и быта первой четверти XX века. Возникли и иные трудности: как следует публиковать подобные тексты? Ведь юные Оля и Наташа Саводник делали дневниковые записи без соблюдения норм пунктуации, а часто – и орфографии. Советы специалистов в области археографии были противоречивыми: одни говорили о необходимости соблюдения норм русского языка, другие – о сохранении неповторимой «неправильности» текстов дневников. Ведь погрешности стиля и даже обычные ошибки девочек-подростков сами по себе являются в некотором отношении источником по проблеме воспитания и образования в начале XX в.! Я все же склонился к тому, чтобы, максимально сохраняя стиль публикуемых текстов, а в отдельных случаях и своеобразное написание некоторых слов и выражений, исправить их, особенно пунктуацию, в соответствии с нормами современного русского языка. Что касается комментариев, то в большинстве случаев они уже практически невозможны, если говорить об упоминаемых знакомых, друзьях авторов дневников, а также некоторых их родных. Даже Н.С. Владыченская, предоставившая мне эти дневники и заинтересованно обсуждавшая со мной многие нюансы предлагаемой работы, не могла объяснить, кто «скрывается» в дневниках под упоминаемыми детскими именами. С другой стороны, спорным является вопрос о том, нужно ли комментировать встречающиеся в предлагаемых текстах фамилии писателей и актеров того времени.

К сожалению, Наталия Сергеевна Владыченская скончалась весной 2013 года. Ее памяти я посвящаю настоящую публикацию.

Дневник Оли⁷

Я давно хотела завести дневник, и вот мне тетя Мотя подарила его на именины.

11 июля 1914 г.

Этого числа я начинаю вести дневник. Встала я полчаса девятого и надела сарафан, который подарила бабушка. Мне хотелось, чтобы никто не дарил мне подарков, и я об этом думала всю ночь. Я пошла в столовую и там встретила дядю Ваню, он сказал, что сейчас у него ничего нет, а что он привезет в другой раз. После чаю мы начали таскать стулья и кресла, для театра. Володя и Алеша наделали билетов и ходили продавать, собрали почти рубль. Сделали репетицию. Этот день прошел довольно весело, и мы ждали вечера. Наехало очень много гостей, и нам было страшно начать представление, и мы хотели отложить. Но после ужина мы начали. Было очень страшно: и публики много, и боязнь сбиться. «Дробинка» прошла благополучно, но когда Алеша представлял, что он дробинку проглотил, в публике начали смеяться, и я тоже тихонько смеялась. Потом начали одеваться, чтобы говорить стихотворения. Я очень волновалась и рвала платье, когда я надевала его. Когда я вышла на сцену, Анна Алексеевна отгородила занавес, но плохо; она сказала,

чтобы мне отдернуть ее, а я, чтобы хоть на минуту скрыться от публики, задернула ее, а потом отдернула. Я сказала, мне хлопали. Потом Наташа сказала «Сашу»⁸, ей хлопали больше. Володя, который говорил, что нужно говорить с выражением, говорил плохо. После представления мы провожали гостей и потом переодевались, и пошли играть в жмурки, было очень весело. Петька предложил идти в Пчельник, мы пошли. Было очень темно и ничего не видно, и мы думали, что в Пчельнике кто-нибудь сидит. Нас позвала Анна Николаевна, и мы пошли. Наташа пошла спать, а я с Володей пошли – на дворе сели на бревно и разговаривали до двенадцати. В двенадцать мы разошлись.

12 июля.

Этот день прошел, как и все дни, только с той разницей, что мы не учились, потому что Володя уезжал. Нам Петька рассказывал про Ельзу Юльевну и Витю. За обедом Володя рассказывал, как он бегал голым по саду, и спрашивал, почему мы не бегаем. Я покраснела и, чтобы скрыть смущение, начала пить молоко. Все разговаривали о купанье, а я сидела как на иголках и желала, чтобы обед скорей кончился, и я даже не съела пирога, который я очень любила, вышла. Остальная часть дня прошла спокойно. Я играла с маленькими Шурой и Вовой, они очень чудные, и я хотела вырасти и завести своих; я ужасно люблю детей, особенно совсем маленьких.

13 июля.

Утром была плохая погода, я надела сарафан, но потом переменяла его на розовое платье. Утром мы играли в крокет, а после обеда собрались, чтобы идти к дяде Коле. Только что мы дошли до Горбуши, начался дождь, все хотели возвращаться, ну мы стали, понятно, просить идти дальше. Дождь перестал, и мы пошли. Там мы ни в чего не играли. Приехали лошади, и мы поехали домой. Я правила на телеге. После ужина Василий Александрович пел, очень хорошо пел, а я и Сережа лежали на диване, хотелось очень спать, а Сережа здесь же на диване и уснул. Его раздели и унесли спать; мы тоже пошли наверх.

14 июля.

Встала в семь часов, кормила цыплят. Мне очень не хотелось учиться, Анна Николаевна сказала, чтобы повторить грамматику после обеда, а я не пришла. После чаю пошли все гулять, я осталась сторожить Сережу. Сперва играли в крокет, потом в теннис, пошли наверх, хотели играть в солдатики, но играли в фут-бол⁹. Вечером, после ужина, играли в колдуны, пришел Петька тоже играть, Анна Николаевна увидела его, подозвала меня и стала читать нотаций, чтобы не играть с Петькой. Читала очень долго, а когда кончила, то мы побежали в коридор и там долго хохотали и говорили, что А.Н. побила рекорд. Пошли к тете в комнату и там стали рассказывать, как А.Н. нас за уроком ругает, особенно Наташу, она даже называла ее идиоткой. Говорили долго и все об одном. Пришла Анна Алексеевна и взяла от нас Сережу и Лялю. Мы пошли спать.

15 июля.

Вышла в столовую в семь часов, никого не было, только сидел один Сережа, я взяла его и пошла кормить цыплят. Наташа встала очень поздно. Диктант прошел благополучно, сделала 5 ошибок. Зато в мой час А.Н. здорово ругалась. Она говорила: «Что ты такая дурища большущая и водишься с Петькой дураком, Петька приносит убытки бабушке, поджигает пучки каждый день, когда коров пасет, и что, если он подожжет лес, ты будешь виновата», когда она говорила, то у нее во рту была пена, и лицо все перекошилось, и она говорила так быстро, что, я думаю, никто не сумеет так. Засадил меня учиться после обеда. Училась до четырех часов, а после вот стала писать дневник, еще не знаю, как пройдет вечер. Ах! Совсем было позабыла написать, что приехал дядя Митя в офицерском мундире. Он теперь занимается мотором.

21 июля.

Давно я не писала, 6 дней; за эти дни произошло много событий. Во-первых, все говорят о войне. Рассуждали, кого возьмут на войну, а кого не возьмут. Сперва призывались ратники ополчения, и дядя Саня¹⁰ должен был бы идти, но приехали Василий Александрович с женой 20-го и сказал, что сегодня вышел приказ о том, что «ратники ополчения не призываются, а призываются только офицеры», и говорил, что, может быть, войны не будет, а войско выставляют, чтобы запугать врага; я была в полной уверенности, что войны не будет, но 20-го вечером привезли газету из управы с объявлением войны; в ней было написано «Вторая отечественная война». И Германия объявила войну нам, Франции и Англии. Все большие волновались, и это волнение перешло к нам, детям, стали говорить о маме и папе, что их не выпустят или они не приехали уже в Москву; дядя Саня собирался в Москву, ему сказали, чтобы он посмотрел, нет ли их там. Когда говорили об маме, у меня сердце так и разрывалось, и хотелось побежать куда-нибудь и там плакать, плакать и молиться и за нашу мамочку, но я старалась быть спокойной и в тот вечер, когда я смеялась, я смеялась как-то неестественно, я это сама заметила. Потом мы, все дети, побежали наверх на террасу. Я предложила гадать по облакам, что будет с Россией. Все согласились. Мы выдрали (*выбрали?* – В.С.) большое светлое пятно на облаке и сказали, что это будет Россия. Когда оно стало закрываться облаком, «смотри, смотри, Ляля, Россия закрывается», прошептала я, толкая Алешу. Сердце у меня сильно билось, и даже дух захватывал «Да», – ответил Ляля. Я думала, что, если светлое пятно скроется, то Россия будет побеждена, но мне не хотелось об этом думать, и я продолжала смотреть. Появился какой-то медведь, потом скала, из скалы вылез ангел, и опять засветилось облако, и полился поток света: «Россия победит, Россия победит», – закричали мы и побежали вниз. Мне было весело и хотелось дурачиться, но я вспомнила об маме. «Может быть, что война будет продолжаться очень долго, а мама будет в Германии и может умереть без нас», – думала я и просила Бога, чтобы он сохранил нам мамочку. После этого пошли мы в конюшню. Там был Петька, он сказал, что что-то он хочет сказать мне, но скажет это завтра. Мы говорили довольно долго о лошадях, которых, я совсем позабыла написать, водили смотреть, годны ли они на войну или нет; оказалось, что не годны, мы были очень рады. Анна Алексеевна позвала Алешу, и он ушел. Я с Наташей тоже пошли спать.

22 июля.

С утра шел дождь. Я проснулась в 7-мь часов. Хотелось спать. Я завернулась в одеяло и задремала, но я думала, что просплю 8-мь часов, и стала одеваться. Пришла в столовую, взяла газету и начала читать о войне: пришла Наташа, сказала, что сегодня красное число. Мне очень не хотелось учиться, и я начала просить Анну Николавну отпустить нас, она не согласилась. Ученье прошла хорошо. Пообедали. Дождь еще все шел ужасно скучно, точно осень, ветер завывает, а по стеклам текут потоки воды, а я сижу и пишу дневник. Да, я позабыла написать, что мы хотим играть в войну и налепили солдат. Буду чем-нибудь заниматься, а то очень скучно. Играла с Колей. Потом пошла в столовую и зашла к бабушке. Там тетя Кланя собиралась ехать к тете Мане. Тетя Маня прислала телеграмму, в которой писала: «Кланя приезжай Сашу¹¹ призвали». Я пошла искать Петьку с тетей Кланей. Алексей приехал с лошадьми, которых не взяли, они были мокрые и усталые. Тетя Кланя уехала к тете Мане.

23 июля.

Была довольно хорошая погода, хотя было ветрено. Ученье прошло благополучно, только за немецким вышла история. Я рассказывала и не знала лиц, Анна Николаевна велела придти после обеда. После обеда я пошла наверх и, думая, что А.Н. позабыла, что она сказала, начала писать дневник, но Наташа пришла и позвала меня. Я быстро все написала и ответила. Остальной день прошел незаметно.

24 июля.

Ученье прошло очень хорошо, и я была весела. За музыкой, когда играла упражнения, я рассказывала тете Моте «Картины прошлого» и советовала прочесть. После обеда играла в Пчельне до чая. Пришла чай пить бабушка, накинулась на нас, чтобы мы не ходили в Пчельню, но почему, нам не было известно. Попив чая¹², пошли собирать смородину черную. Тетя Мотя собиралась в Москву, и мы собирали до шести часов, я набрала 2 корзинки. Вечером после ужина сели читать; Ляля и Сережа начали ссориться и говорить, кто когда курил, и, наконец, начали драться, мы их разняли, я начала читать. Сережа черненький и другой Сережа куда-то ушли, потом вернулись и начали смеяться и говорить, что Ляля – жених Наташи; я продолжала читать. Вечером, когда Ляля ушел, Сережа черненький взял бумагу и начал писать, я хотела посмотреть, но он не показал; когда написал, он мне принес, и я прочла: «Если Наташа на мне не будет жениться, я застрелюсь». Я очень удивилась, где он это слышал. Он попросил меня положить записку под белье Наташе, и мы пошли спать.

25 июля.

Я как всегда встала в 7 часов и пошла кормить цыплят. Когда я возвращаясь шла по двору из сада, кликнула бабушка: «Ольга, иди в дом». «Хорошо», – сказала я и пошла, как вдруг бабушка спросила: «А где Наташа? Чего еще не идет? Она была с тобой». – «Нет, она спит». «Так ты еще врать! Я тебе покажу». Я видела, что она спряталась, и бабушка начала кричать: «Наташа, Наташа, иди сюда, слышишь, Наталья, что я говорю. Все равно я видела, Наталья», – и она пошла искать Наташу,

между тем как Наташа еще спала. Я подумала, что с ней такое, и попросила Елену сказать, что Наташа спит. Бабушка перестала кричать и ушла. Я пошла умывать руки и думаю: «Здорово мне теперь влетит». Позвала Сережу, рассказала ему все и читала «Питер Спот». К чаю пришла Наташа; бабушка опять начала говорить: «Ты еще врать, врать очень не хорошо, люди тебе никакого добра не сделают, понятно, они заступаются за вас, но я видала», – и запретила ходить во двор, только можно было гулять в саду. Я пошла играть на рояли, вдруг у меня мелькнула догадка, может быть, мама с папой умерли, и мы теперь сироты, и вот почему так бабушка стала с нами обращаться; она даже сказала, что, если мы не будем слушаться, она отправит нас в Москву, мне хотелось плакать. Поиграв, я пошла наверх и рассказала ей все. «Может, бабушка сходит с ума», – сказала она. «Может быть», – отвечала я и начала писать изложение. Я и Наташа никуда не ходили и сидели, читали. Сегодня должна приехать тетя Мотя, она обещала спросить, приехала ли мама.

9 (? – В.С.) августа.

Ах! как давно я не писала! За эти дни случились очень большие события; самое важное из них – это то, что приехала мама и папа. Я так боялась за них, потому что в газетах писали такие страсти. Я уж представляла себе, что они умерли и что мы теперь сироты, и плакала, когда молилась Богу, но, слава Богу, Бог услышал мои молитвы, и мама приехала, да еще очень благополучно. На другой день после, как получили телеграмму, мы, то есть тетя Мотя, я, Наташа и Коля, поехали в Москву. Приехали туда в 11 часов, но мама еще не спала. Она как, видимо, обрадовалась нам и рассказывала, как добралась сюда. Ее рассказ я опишу: «Папа приехал за два дня до объявления войны, он был в Италии и на другой же день взял все деньги из банка, и хорошо сделал, потому что на другой день все банки закрылись, и они бы остались без денег. Они поехали до Гамбурга. Каждую станцию Германии с длинной остановкой они боялись, потому что они думали, что поезд больше не пойдет. Но доехали благополучно до Дании. Там пересели на барки и переехали на Скандинавский полуостров; по железной дороге доехали до Стокгольма. От Стокгольма доехали до Торнео, потом по Финляндии до Петербурга; и так они попали в Москву». Мама говорила, что с ними много ехало евреев и они очень безобразничали. Еще большое событие – это приезд Государя. Я очень люблю Государя и готова умереть за него. Ах, нет, умереть в молодости я не хочу, но просто пострадать за царя, за родину. Иногда мне приходит мысль уйти из дома, поступить в войско добровольцем, как Надя Дурова¹³, но мне жалко маму, и я слишком ее люблю, чтоб покинуть, быть может, навсегда. Но царь! Царя я представляю чем-то очень красивым и величественным; я люблю его и всех детей Царского дома, я даже накупила открыток царских. Все дети его очень красивы, но особенно Мария, у ней лицо очень доброе. Я просила идти смотреть въезд Государя, но мне не позволили. Ляля, который был на въезде, много рассказывал о нем, но как-то хладнокровно, между тем как, если я рассказывала бы это, то, я думаю, рассказала бы с большим жаром. Мы пошли за лекарством Коле и у Спасских ворот увидели толпу, которая ожидала Государя. Мне очень хотелось подождать. Папа сказал, что мы подождем на обратном пути. Я все оглядывалась, боясь, что Государь проедет, но этого не случилось. На обратном пути мы встали в толпу, папа стал говорить, что, может быть, Государь

и не поедет, но я все просилась подождать и надеялась, что я увижу Государя. Но когда городовые начали равнять народ на другой стороне, я испугалась, боясь, что и с нами это сделают, и попросилась домой. Мы ушли.

10 августа.

Мне было четырнадцать лет, когда я в первый раз увидела восход солнца. Вот как это случилось. 10 утром проснулась я очень рано, хотела заснуть, но сон не шел на меня. Было достаточно светло, и я думала, что уж солнце взошло. Пролежав довольно долго, я случайно взглянула в окно. То, что я увидела, меня очень обрадовало: низкие облака над горизонтом начинали светлеть, это был восход солнца, который я в первый раз видала. Маленькие облака перешли из нежно желтого цвета в золотой и светились, как слитки золота; у больших были озолочены только края. Огненный круг показался из-за лесу над горизонтом. Солнце бросало свои светлые лучи на всю окрестность. Они озолотили туман на полях. Я попробовала смотреть на него, но оно было слишком ярко, и я отвела глаза на мирно спавшую подле меня сестру. Пока я сидела на кровати, я закрывала лицо ее от солнца, но как только я легла, оно брызнуло ей в лицо, и она невольно сморщилась. Я поставила стул с одежей около нее, а потом повернулась и заснула. 10 это было воскресенье, и мы не учились, провели его очень весело, все время играли и иногда читали. Вечером я читала газету.

11 августа.

Проснулась полчаса восьмого, глаза никак не могла продрать – так спать хотелось, но время уж позднее, пора вставать. Я хотела до восьми часов почитать и взяла книгу на кровать. Не успела прочесть и двух страниц, как пришла Анна Николаевна и начала бранить меня за то, что читаю в кровати. Я очень удивилась ее появлению так рано, так как она всегда вставала в девятом часу, но послушалась, положила книгу (Детство Багрового внука¹⁴) и начала одеваться. Ученье до грамматики прошло хорошо, но за грам... вышла опять история: А.Н. сказала, что я глупая, и Бог лишил меня памяти за упрямство. Я и сама думала, что я глупая, но, чтоб Бог лишил меня памяти, этому я не верила, зная, что память у меня довольно хороша. Она еще говорила, что будто я не люблю мать и не хочу научиться писать. Мне было это очень больно и неприятно, но я скрывала и показывала видом, как будто мне было все равно¹⁵. Музыка прошла очень хорошо. После обеда я учила грамматику. Весь остальной день прошел хорошо. Вечером мы играли в казаки. Меня звали Андреем, мы ездили на разведки, спали и вдруг кто-нибудь из нас закричит «татары», мы все повскочим и поедем на татар, и вдруг кто-нибудь скажет «это кричал он», и мы начинаем драться. Было очень весело.

12 августа.

Было холодно. Ученье прошло хорошо, а также и музыка. После обеда я играла с щенятами, потом смотрела, как Петька с Динкой катаются с сена. Я смеялась, как Динка кувыркалась, катаясь сверху. Вечером опять играли в казаки. И я как будто умерла, и душа моя прилетала к моему другу, т.е. Алеше, которого звали Тарас. Я сняла юбку и очутилась в белье, надела еще кофту и распустила волосы.

Я, должно быть, была хороша, потому что все на меня смотрели во все глаза. Алешу позвала мама, и игра наша кончилась. Перед сном я читала.

13 августа.

Проснулась полчаса восьмого и начала быстро одеваться, я хотела поискать грибов в саду. Я искала, но не нашла. Ученье прошло довольно хорошо, только за французские слова я училась после обеда. После обеда мы играли в казаки с Тамарой, которая приехала <нрзб>. Сережа сказал: «Оля, нарядись опять так же, как и вчера, и прилетай ко мне»; я ответила, что не хочу. Когда Тамара уезжала, то Мальчик не стоял, и Тамара, испугавшись, визжала. Вечером я читала Ляле и Сереже «Рысак Яло» и «Хромая собака». В десять пошла спать.

14 августа.

Проснулась в 8 часов, разбудила Наташу, которая еще спала, и начала одеваться. Ученье прошло довольно хорошо. После обеда я сидела со щенятами, а после чаю мы пошли с А.Н. за грибами. Я нашла 8 белых и 15 рыж. На возвратном пути мы, то есть я и Ляля, опередили А.Н. и Наташу и говорили по-франц., изображая французов. Лялю звали Charles, меня – Paul Marin. Только что мы пришли наверх, как начался дождик. Сюда пришел Сережа, и Ляля с ним дрался. Перед обедом приехала Марья Сергеевна и привезла «Золотое детство». Вечером я читала его вслух.

15 августа.

Праздник, мы не учимся. После чаю я начала играть в войну с Лялей, потом пошли писать маме письмо, и отдала его Елене, которая ехала туда. После обеда пошли все за грибами. Я и Сережа нашли много маслят. Когда мы возвращались, я шла скоро, я думала, что тетя Маня приехала, но ничего этого не случилось. Играла с Сережей в фут-бол и, когда очень вспотела, то пошла читать Аксакова. Вечером я читала газету о зверствах немцев.

1 января 1915 года.

Да здравствует Новый Год, и чтоб этот Новый год принес бы мне не такую лень, и я могла бы часто строчить что-нибудь в дневник. Много, много интересных случаев я не описала, ну уж я их и позабыла, и дай Бог, чтобы я этим годом описать все. Война все еще продолжается, уж некоторых родных взяли на военную службу, самый первый был дядя Митя; он уже успел попасть в плен и присылал несколько писем оттуда; мне его жаль: болят ноги, а ты сиди все в сырости и грязи, (немцы такая, такая гадость, я их ненавижу!). А я до сих пор не написала ему ни одного письма, ну как-нибудь соберусь. Теперь призывают дядю Леню, а потом, может быть, и дядю Петю, и Саню. Новый год мы встречали в Лукине, и очень весело, приятно вспоминать. Теперь же, 7-го, пошла опять учиться, так не хочется, что я не могу сказать. Опять встретила Савостьянову, ужасно хотелось баловаться и дурить, а день прошел скучно и бесцветно, даже неприятно. Но зато завтра обещали мы с Савостьяновой новоселье сделать и за уроками есть конфеты.

8 января.

Меня разбудили 1/2 8-го, и я сказала, что пойду, но меня обуяла такая лень, что вы и вообразить не можете, и я осталась. «Я скажу маме, – думала я, – что вчера так шумели, что я долго не могла заснуть (шумели наверху у хозяйки, там справляли золотую свадьбу и было много гостей), а, во-вторых, Тамара уезжает, надо же мне ее проводить». Но я, придя к маме, сказала, что мне сегодня очень не хотелось учиться. (Хорошо, что я сказала правду, потому что врать не хорошо и грешно.) Утром я вспоминала, как вчера мне и Тамаре захотелось пить, а воды холодной не было, мы налили в стакан из самовара кипятку, взяли ложку и поставили на стул стынуть, но мы этого не дождались, и, как только потушили лампу, я взяла ложку и начала пробовать; ложка звенела об стакан, а мы веселились и без умолку смеялись. Я, наберя в рот воды, хотела уже проглотить, но тут Тамара сказала что-то смешное, я фыркаю, и вода летит у меня изо рта, мы заливаемся новым приступом смеха. Выпив всю воду, мы хотели поцеловаться и спать. Я тянусь со своей постели, Тамара со своей, но, не успев дотянуться, мы вновь смеемся. Тогда я слезаю с кровати, подхожу к Тамаре и целую ее первый, второй раз... но мне делается так смешно, что я фыркаю ей в лицо и бухаюсь в свою постель. Тамара заливается, хохочет. Так этим и кончилось. Днем я читала Новицкую «Безмятежные годы»¹⁶, это очень интересно, а вот после обеда села писать, но мне хочется еще почитать, «ну, до завтра, дневничок», и я утыкаюсь в книгу.

9 января.

Все-таки я сегодня пошла в училище¹⁷. Уроки я знала плохо, потому что я накануне их только проглядела, а все время читала. Ну, понятно, Савостьянова обрадовалась. Таня сегодня пришла также. Первый урок географии, я его не боялась: получив «5» у Евгения Ивановича, можно и не беспокоиться – не вызовет. Второй – математика, также ничего, решали задачу в классе, я ничего не поняла, да, проценты порядочная гадость. Оба эти урока скучные, ну, уж зато мы повеселились за немецким. Немка у нас тихонькая, никогда не остановит, я этим пользуюсь; только бы классуха не видала. Начинаю болтать с Надей, она это тоже любит и охотно отвечает. Классуха ничего, вяжет себе да вяжет, это длилось до тех пор, пока Савостьянова с тихим шепотом «моя милая, дорогая Олечка» полезла обнимать меня. Зинаида Павловна (классуха) заметила это и отсадила от меня. Надя ушла, значит, мне не с кем болтать, но я не смущаюсь этим и завожу разговор сначала с передней, потом с задней соседкой. Когда наскучило мне это, я вынимаю Закон Божий и учу. Остальные уроки прошли незаметно. По рукоделию рисовали выкройку рубашки, а после него принесенные нами для новоселья конфеты (я, кажется, говорила об этом) уничтожаем. Дома ничего такого не произошло. Наташа все так же кашляет и ночью мешала спать.

10 января.

Сегодня ко второму часу можно было и поспать. Закон Божий сошел хорошо, меня не вызывали, да, если и вызвали, не беда – я урок хорошо знала. По математике опять эти дрянные проценты делали. Одна девочка не знала умножение дробей. Иван Иванович показал, как делать. «Мы у Любовь Валерьяновны не так

делали», – возразили некоторые. «Меня Л.В. не касается, вы у нее так делали, а у меня вот так», – возразил наш «сурок». Вообще он у нас пресмешной и иногда такую вещь скажет, что умрешь со смеха. Сегодня, например, когда он уходил, Шура Тинякова ему язык показала, он обернулся, увидел и сказал: «Извините, г-жа Тинякова, я не доктор и языки не смотрю». Ах, вот что еще, у нас в классе издается журнал «Чернявская чепуха», и сегодня получили № 1. Там написано, например, что «Вильгельм II объелся 2-мя фунтами колбасы не первой свежести, и доктора признали у него полное расстройство желудка», а в объявлениях, что «сбежала “2-ка” из журнала; просят, кто найдет, тот пусть заявит в Чернявское училище», вообще чепуха порядочная.

28 февраля.

Чуть опять совсем не забросила писать, да и не хотелось что-то, но теперь кое-что напишу. 27-го я исповедовалась в Чернявском. Утром пошла к обедне, встретилась с Таней; после обедни исповедовались, страшно было, руки тряслись, но, как вошла в церковь, то все прошло и ни чуточки не было страшно. 28-го утром встала в 7 часов, думала, что опоздаю, но не опоздала. Как пришла, так послышались восклицания: «Какая ты хорошенькая! Как тебе идет это платье!». Я была в белом фартуке в кружевах, мне это шло к лицу – это правда. Потом я пошла с Таней и Зиной и опять слышу голос Нади: «Какая она хорошенькая, очень хорошенькая!». Мне это было приятно и как-то неловко. Пошли в церковь. В дверях залы встретились другие классы, мы их пропустили. Многие девочки смотрели на меня, и мне еще казалось, они смотрели на мои белые башмачки, и вспомнился невольню вчерашний разговор с Зинаидой Павловной, что плохо, если я к причастию надену белые башмаки, она сказала: «По-моему, это к форме не идет». «Но форма эта белая и без пелеринки и рукавов», – возразила Таня. Потом Таня просилась, чтобы я пришла в белых башмаках, и я согласилась, вот теперь как-то неловко, как будто я хвалюсь башмаками. Обедня прошла, причастились, меня начальница поздравила. Очень ноги болят после коленапреклонения. Пошли в столовую чай пить, Зинаида Павловна поздравила нас и перецеловала¹⁸. Я звала непременно Надю и Таню к себе. Дома после кофе я шила рубашку, а то она у меня медленно подвигается. Сели играть; снег повалил, а тут Надя позвонила по телефону и сказала, что она очень устала и что по такому снегу она не придет; я так и знала, что она обманет, но Надя прибавила: если снег пройдет, ее мама, может быть, и пустит. Только кончила говорить, пришла Таня; играли в разные игры. Пили чай и тут только вспомнили, что снег давно прошел и что Надя может прийти. Позвонили к ней, и Надя через 10 м. пришла, я засадила обеих играть на фортепиано. Надя и Таня очень хорошо играют. Потом я и Надя смотрели «Войну и мир» а Таня играла с Колей, она баловница и очень любит возиться. После обеда Надя ушла, а мы все пошли в гостиную. Я попросила Таню (она очень хорошо танцует) протанцевать со мной вальс, и у нас очень хорошо вышло. (Я ужасно люблю танцевать.) Стали рассказывать анекдот¹⁹, и вот тут-то пошла потеха, хохотали чуть ли не до упаду. Коля если и рассказывает, то с полнотой, ничего не выпуская, он, например, рассказал «на дудочке, на барабане и на скрипке», Таня ужасно смеялась. Мне очень понравился анекдот, который рассказывала Таня. Вот он: «На уроке Закона Божьего батюшка спрашивает

одного ученика: “Скажите какой-нибудь двенадесятый праздник”, ученик не знает. Тут с задней скамейки поднимается верзила. “Вы знаете?” – спрашивает батюшка. Верзила не обращает на это никакого внимания и начинает заикаясь: “Пр...пр...пре...пре...” – “Так-так, договаривайте”, – говорит батюшка. Верзила продолжает: “Пре... Пре... Преображенский так навонял, что сидеть нельзя”». Когда Таня это рассказывала, я покатывалась со смеху. В 9 часов Таня ушла, а я, почитав немного «Ледяной дом»²⁰, пошла спать.

1 марта.

Готовила уроки, потом читала, ничего особенного не было. Ах, да, позабыла совсем: у нас и вообще в Москве в этом году экзаменов не будет, я этому страшно рада.

10 марта.

Сегодня занятия были только до 12 часов, а потом был молебен, потому что 9-го марта была взята одна из неприступнейших крепостей, Перемышль. После молебна повели всех в залу, и там инспектор сказал речь в честь победы²¹, Соловьев прочел телеграмму к главнокомандующему Николаю Николаевичу, а потом пели «Боже, царя храни» и кричали «ура». Как-то весело и вместе с тем хочется убежать и плакать, плакать. У нас многие плакали, особенно Антонина Афанасьевна, да как же – у ней муж пропал, кажется, в плену, как дядя Митя, жалко ее ужасно, хочется подбегать, поцеловать и утешить. В субботу распускают на Пасху, и, может быть, мы поедем в Лукино, то-то веселье будет.

П-а. 13 марта.

Вот уже и кончилось ученье, нас распустили на Пасху. Как быстро пролетел этот год, так быстро, что не заметила. Ну, сегодня утром еле глаза продрала, так спать хотелось, потому что вчера мы были на «детском трио Вилкомирских». Там играли два мальчика, Михаил и Казимир, первый на скрипке, а второй на виолончели, а их сестра Мария на рояли, сперва они играли трио, а потом по очереди. Всех лучше играл Михаил, хотя и было ему 10 лет. Его вызывали два раза на бис. О, как хорошо он играл первую пиесу на бис! Вообще я больше всего люблю скрипку, ее можно заставлять петь и грустно, и весело, в ее звуках как бы слышится голос души, когда на ней хорошо играть. Ну, вот после такого-то вечера мне надо было идти в училище, непременно идти, потому что сегодня последний день, и Иван Иванович дает задачу. Но задачи не было, и день прошел очень весело.

23 июля.

Вот уж и год прошел, как я начала вести дневник. Много дней я пропустила и не писала, но теперь напишу. Мама в Крыму и, должно быть, пробудет всю зиму, как скучно нам будет без нее, но, может быть, мы поедем на Рождество туда. Сегодня проснулись тогда, когда фрейлейн отворила дверь, поглядела на часы – вижу без четверти девять, пришла в столовую – вижу без пяти восемь, это, значит, я спросонья²² не разобрала. Попила чаю, села за рояль; как дошла до этюдов, так пошли у меня с тетей спор да перекоры, но ничего, хорошо сыграли «романс» Аренского²³, и верно пела интервалы, и тетя развеселилась. Учится страсть как не хотелось но

ничего, все скоро кончила. Сегодня была баня, вообще мыться в бане – нет чего хуже, а здесь еще Коля мылся, мы не хотели при нем мыться, и у нас с фрейлейн и с нянькой пошла ругань, дошло дело до того, что я упомянула няньке о маме, но, слава Богу, мы теперь вымылись и сохнем. Теперь идет сильный дождь, и я села писать дневник. Да, мы все время читаем и читаем, а нас все посылают гулять, вот я, Ляля и Наташа вчера вдруг и собрались, пошли по шоссе, взяли глины и пошли на Городищи, стал накрапывать дождь, и мы бегали до Студенки, дождь был маленький, и мы не вымокли, только ноги пришлось переодеть, мы шли ведь по ботам без калош, только у одной Наташи они были. Ну, вот и прогуляли мы два часа.

17 ноября

Вчера была я в театре на «Гугенотах»²⁴. С нами была и Маруся Лобач-Жученко²⁵, она осталась ночевать. Вечером, уже в кроватях, мы много говорили и рассказывали разные случаи. Утром, после чаю, выучили мы все уроки (мы не ходили этот день в учил.) и отправились на площадку. Там танцевали, несколько раз упали, загадывали слова, вообще было очень весело; идем домой, а Маруся и говорит: «Я пойду домой», ну, я ее упрашивать, упрашивала минут десять остаться обедать, наконец, она согласилась, а после обеда я ее проводила. По втор. мы ходим к Брюсовой, так как Наташа не ходила к ней накануне, то она пошла со мной. Ну, у Н.Я. прошло все благополучно, но возвращаться было поздно в семь часов, только подумать. Ну вот, после обеда села я писать, давно не писала, нужно вспомнить, что у меня есть дневник. А теперь пойду навещу Иру с Мурой и потом – читать.

Дневник Наташи²⁶

Москва.

Пятница, 10 ноября 1915 года.

Проснулась сегодня в семь часов. Вставать страсть как не хочется. Ну, ничего, встали, выпили чай и пошли. Погода сегодня гадкая: мокрый снег так и валит. Дошли до бульвара; мы, как только показывается бульвар, берем у няни книжки и отправляемся одни. До Зубовской площади дойдешь – всегда посмотришь на часы. Сегодня не опоздали, а то я замечаю, как иду с Олей, всегда опаздываю. Сегодня ничего особенного не случилось, только какое безобразие – выгнали гулять. Снегу нападало порядочно. Кто в мелких калошах, отсылали домой (я, понятно, подозреваю под словом «дом» не дом, где живут, а гимназию); вернулись домой, в класс пошли, записали уроки и отправились на пение. После пения у нас все почти рассаживаются, так что половина стульев занята. После пения – география. Екатерина Николаевна, наша учительница географии, пропустила пол-урока, а потом уж пришла. Занимались вычислением времени, наконец, отпустили нас домой. Я хожу с нянькой, она таскает книжки. Она поморозила меня минут десять около Шафоростова, потом пошли. Пришли домой, мне зараз три голубца подали, у меня волчий аппетит после гимназии; потом почитала, потреникала на рояли, и ужин уже на столе. За ужином на нас хохотун напал. У нас выходит так, что одна половина смеется, другая – молчит. Сегодня был слоеный пирог. После ужина почитала, побренчала еще раз на рояли, почайпила²⁷, почитала и пошла спать. У нас три

праздника подряд, а во вторник нам приходится к одиннадцати часам, потому что Екатерина Николаевна именинница.

9-го декабря 1915 года. Москва.

Проснулась в семь часов. Вставать очень не хочется, темно, а у Оли сегодня свободный час, а когда кто-нибудь спит, тогда еле встанешь. Выпила какао и железо, связала книжки, и пошли мы с нянькой. Сегодня холодно, двенадцать градусов. Скользко на улице, я один раз шлепнулась, да как здорово. Пришла я в гимназию, разделась. Первый урок – немецкий. Мария Ивановна пропустила четверть урока и пришла. Вызвала сперва двух девочек на слова, а они, наверное, слов никогда и не учат, потому что она не спрашивает. Потом вызвала Сироткину, ее вчера только вызывала, она, значит, и успокоилась, а вдруг такой сюрприз. Звонок. Мария Ивановна сейчас же исчезает, идем на перемену. Следующий урок – рисование. Сироткина нарисовала программы, она очень хорошо рисует. Потом – арифметика. Любочка сегодня что-то очень нехорошая была, наставила двоек и уплыла. Большая перемена. Позавтракали и – в сад. Сегодня нас без горы оставили, мне-то, понятно, все равно, я не катаюсь. Другие – сани взяли, я прицепилась повозить, но налезло их на сани столько, что я бросила. Пошли гулять с Халафовой, но скоро замерзли и пошли домой. Поиграли в зале в салки²⁸ и пошли на русский. По русски²⁹ была проверочная. Французского не было, и нас отпустили в два часа. Уроков сегодня почти совсем нету. Пришла домой, пообедала, побренчала на рояли, выучила историю, попила чаю, пошлялась – и уже ужинать. После ужина почитала по-французски, поиграла еще раз, списала немного «Графа Нулина», которого я списываю на лето, чтобы учить, и пошла спать. ►

---

¹ Там же указаны основные труды В.Ф. Саводника.

² См. коммент. в кн.: [Иван Бунин, 1973, с. 442–443].

³ Цит. по кн.: [Перцов, 2002, с. 393].

⁴ Во многих выпусках этого сборника есть упоминания как о В.Ф. Саводнике, так и о Н.В. Саводник. См., напр., публикацию Н.В. Саводник: [Музыкальная жизнь Парижа, 1985, с.198–205].

⁵ В моей памяти с детских лет сохранился рассказ мамы о Н.И. Шишове, деде «тети Иры» (И.А. Паламарчук) и сестер О.В. и Н.В. Саводник. Согласно семейному преданию, он был якобы столь состоятельным человеком, что по его просьбе (и, вероятно, за немалую «мзду») поезда, шедшие из Москвы на юг, делали краткую (вне расписания!) остановку там, где было удобно Н.И. Шишову.

⁶ Краткая информация об этой усадьбе содержится и в научном каталоге А.И. Фролова «Усадьбы Подмосковья»: «ЛУКИНО-ВАРИНО (Лукино). Богородский у., 2-й стан / Щелковский р-н. Пос. Свердловский. В 30 км от г. Ногинска. На р. Клязьме. *Владельцы*: генерал И.И. Измайлов (с 1770-х гг.), И.И. Одоевский (с 1789), его наследники, Ланские, в т.ч. С. Ланской (нач.-сер. XIX в.), фабрикант Н.И. Шишов и его наследники (до 1915), промышленник Г.А. Поляков (до 1917). *Гости*: В.Ф. Одоевский, В.А. Жуковский, М.В. Нестеров. *Памятники*: 2-этажный главный усадебный дом (нач. XIX в., при С.С. Ланском перестроен). *Флора*: пейзажный парк. *Водоемы*: пруды» [Фролов, 2003. с. 315–316].

⁷ На первой странице дневника дарственная надпись: «Оленьке на память от тети Моти. 11 июля 1914 г.»

⁸ Возможно, речь идет о поэме Н.А. Некрасова.

⁹ Такое написание было распространенным в начале XX в.

¹⁰ Очевидно, речь идет об Александре Ивановиче Паламарчуке, муже Марии Николаевны Шишовой, отце Ирины Александровны Паламарчук и деде Наталии Сергеевны Владыченской.

¹¹ Речь идет об Александре Ивановиче Паламарчуке.

¹² В подлиннике: почайпив.

¹³ Характерно, что в начале войны, которую тогда называли «Второй Отечественной», Оля Саводник мечтает о повторении судьбы Надежды Дуровой, героини Отечественной войны 1812 года.

¹⁴ Ясно, что речь идет о знаменитой повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука».

¹⁵ В подлиннике здесь и еще в ряде случаев: серавно.

¹⁶ Цикл произведений писательницы конца XIX – начала XX вв. В.С. Новицкой, включающий повесть «Безмятежные годы», рассказывает о Мусе Старобельской, постепенно взрослеющей со своими друзьями и превращающейся по ходу повествования из маленькой проказницы в умную, талантливую девушку. Повесть переиздана в 2016 г.

¹⁷ История Усачевско-Чернявского женского училища, в котором училась Оля Саводник, начинается в 1827 г., когда купец Чернявский пожертвовал дом и капитал для призрения бедных женщин с детьми. А в 1833 г. в доме другого благотворителя – купца Усачева – открыли училище под названием «Дом рукоделия Чернявского»; в 1859 г. его перевели в дом на Маросейке и назвали «Усачевско-Чернявским». Благодаря Софье Ивановне Бородиной, являвшейся с 1868 г. начальницей Московского Усачевско-Чернявского женского училища, обычный сиротский приют превратился в семиклассное училище, воспитанницы которого получили право держать экзамены при университете. С 1877 г. Усачевско-Чернявское училище стало гимназией.

¹⁸ Дневниковая запись позволяет судить, какое значительное впечатление оставляют исповедь и причастие в душе шаловливой девочки-подростка.

¹⁹ В подлиннике здесь и далее: анегдот.

²⁰ Роман И.И. Лажечникова из русской истории XVIII века.

²¹ Сражение под Перемышлем в ходе Первой мировой войны завершилось в июне 1915 г. катастрофой русской армии. Бои против австро-венгерских войск в Галиции закончились прорывом фронта и масштабным отступлением русских войск.

²² В подлиннике: с просони.

²³ А.С. Аренский (1861–1906) – русский композитор, пианист и дирижер.

²⁴ Знаменитая опера Дж. Мейербергера. Сюжет – из эпохи религиозных войн во Франции XVI в.

²⁵ Мир тесен: с представителями рода Лобач-Жученко я был хорошо знаком, поскольку в 70-е гг. несколько лет был женат на Татьяне Юрьевне Лобач-Жученко, ныне живущей в Воронеже.

²⁶ На обороте форзаца написано: «от 10-го ноября 1915 года, кончая 23-м декабрем 1917 г.». К сожалению, вероятно, опасаясь собственных «политически некорректных» записей, Н.В. Саводник позже вырезала страницы, относящиеся к концу 1917 г. Последняя сохранившаяся запись датирована 19 октября 1917 г.

²⁷ И в дневнике Наташи это выражение!

²⁸ Салки – подвижная игра, заключающаяся в том, что водящий должен быстро переключаться и ловить нового игрока, перебежавшего дорогу.

²⁹ То есть на уроке русского языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы». (К истории издания) // Валерий Брюсов (Литературное наследство. Т. 85.). М.: Наука, 1976. С. 257–324.

Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2002. 416 с.

Дни нашей жизни. (Из хроники ЦГАЛИ) // Встречи с прошлым. Вып. 4. М.: Советская Россия, 1987. С. 441–462.

Иван Бунин. В 2-х кн. Кн. 1. (Литературное наследство. Т. 84.). М.: Наука, 1973. 696 с.

Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. 1040 с.

Музыкальная жизнь Парижа. (Из зарубежных корреспонденций Б.В. Асафьева.) /

Публикация Н.В. Саводник // Встречи с прошлым. Вып. 2. М.: Советская Россия, 1985. С. 198–205.

Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 496 с.

Поэт и ученый. (Воспоминания о В.Я. Брюсове В.Ф. Саводника и письма к нему В.Я. Брюсова.) / Публикация Е.М. Бенья // Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Советская Россия, 1988. С. 99–115.

Франк А. Убежище: Дневник в письмах. 12 июня 1942 года – 1 августа 1944 года. М.: Текст, 2010. 347 с.

Фролов А.И. Усадьбы Подмосковья. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 704 с.

Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 632 с.

REFERENCES

Azadovskii K.M., Maksimov D.E. Bryusov i «Vesy». (K istorii izdaniya) [Bryusov and «Libra». (To the history of publication)], in Valerii Bryusov (Literaturnoe nasledstvo. T. 85.) Moscow: Nauka, 1976. P. 257–324 (in Russian).

Bryusov V.Ya. Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma. [Diaries. Autobiographical prose. Letters] Moscow: OLMA PRESS, 2002. 416 p. (in Russian).

Dni nashei zhizni. (Iz khroniki TsGALI) [Days of our lives. From the Chronicles of CSALA], in Vstrechi s proshlym. Vyp. 4. Moscow: «Sovetskaya Rossiya», 1987. P. 441–462 (in Russian).

Ivan Bunin. V 2-kh kn. Kn. 1. [In two books. The first book] (Literaturnoe nasledstvo. T. 84.). Moscow: Nauka, 1973. 696 p. (in Russian).

Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. [Concise literary encyclopedia] T. 6. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1971. 1040 p. (in Russian).

Muzykal'naya zhizn' Parizha. (Iz zarubezhnykh korrespondentsii B.V. Asaf'eva) [The musical life of Paris. (Foreign correspondence of B.V. Asafiev)] / Publication by N.V. Savodnik, in Vstrechi s proshlym. Vyp. 2. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1985. P. 198–205. (in Russian).

Pertsov P.P. Literaturnye vospominaniya. 1890–1902 gg. [Literary memories. 1890–1902]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 496 p. (in Russian).

Poet i uchenyi. (Vospominaniya o V.Ya. Bryusove V.F. Savodnika i pis'ma k nemu V.Ya. Bryusova) [Poet and scholar. (Memories of V.J. Brusova V.F. Savodnik and letters to him from Brusov)] / Publication by E.M. Benya, in Vstrechi s proshlym. Vyp. 6. Moscow: «Sovetskaya Rossiya», 1988. P. 99–115 (in Russian).

Frank A. Ubezishche: Dnevnik v pis'makh. 12 iyunya 1942 goda – 1 avgusta 1944 goda [Shelter: a Diary in letters. 12 June 1942 – 1 August 1944]. Moscow: Tekst, 2010. 347 p. (in Russian).

Frolov A.I. Usad'by Podmoskov'ya [Granges of Moscow region]. Moscow: RIPOL KLASSIK, 2003. 704 p. (in Russian).

Entsiklopedicheskii muzykal'nyi slovar' [Encyclopedic Dictionary of Music]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 632 p. (In Russian).